

Глава 7

Иоанн (Михаил Доброзраков), 1830–1835

Такую же долгую, как архиепископ Ириней, жизнь прожил и Преосвященный Иоанн (Доброзраков, 1790–1872), четыре с половиной года из нее падают на управление Пензенской епархией. Каждый из архиереев, пребывавших на Пензенской кафедре, оставил свой заметный след в истории епархии, который выражался в конкретных делах, вытекающих из их индивидуальных предпочтений и склонностей, – будь то религиозное просвещение народа или образование духовенства, церковное строительство или забота о материальном благосостоянии священнослужителей. При этом каждый из них имел свое видение собственного служения Богу, поскольку нет какого-либо единого рецепта для возделывания духовной нивы, а всегда приходится сообразовываться с конкретными местными обстоятельствами, диктующими – на что в первую очередь направить свои силы. Сеятелю Слова Божия не приходится выбирать – в какую землю бросать семя, ему может достаться любая почва – и добрая, и каменистая, но от него зависит – насколько он сможет улучшить ее, чтобы вырастить на ней богатый урожай. Преосвященный Иоанн считал, что любой, кто взял на себя ответственный труд быть проповедником Слова Божия, прежде всего сам должен обладать необходимым запасом знаний, силу которых он прочувствовал на себе самом.

Родился будущий архиепископ Иоанн, или по-мирскому – Михаил Степанович Доброзраков, в 1790 году в семье священника Лукояновского уезда Нижегородской губернии. После обучения в местной семинарии поступил в С.-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1817 году и был назначен преподавателем в Черниговскую семинарию. Правда, педагогическая деятельность его там продолжалась недолго: через два года он уже был бакалавром по классу церковного красноречия Петербургской духовной академии. 21 августа 1819 года Михаил Добро-

зраков совершает постриг и получает сан иеромонаха. В течение последующих двух лет он проходит послушание библиотекаря, а 26 июля 1821 года становится инспектором академии и бакалавром богословских наук. 16 августа того же года его возводят в сан архимандрита и назначают настоятелем Юрьево-Польского Архангельского монастыря Владимирской епархии с оставлением при академии. В 1824 году избирают в цензурный комитет, а 14 ноября того же года назначают ректором Петербургской духовной семинарии и настоятелем Можайского Лужецкого монастыря. В 1825 году он получает степень доктора богословия за “Священную герменевтику” (“Declinatio Hermeneuticae Sacrae”). Наука герменевтика означает теорию и искусство истолкования текста древних литературных произведений. Так что двухлетнее пребывание при академической библиотеке не просто привило вкус молодому монаху к чтению богодуховных книг, но и приучило его к их анализу, другими словами – к самостоятельному мышлению, что позволило ему выдвинуться в число наиболее выдающихся церковных проповедников. Не случайным поэтому было его назначение 30 января 1826 года на должность ректора Петербургской духовной академии. Хотя, возможно, именно самостоятельность мышления и помешала архимандриту Иоанну возглавлять академию продолжительное время – уже 14 января 1829 года он был назначен настоятелем в Пинский Богоявленский монастырь, а 17 августа 1830 года состоялась его хиротония во епископа Пензенского и Саранского.

Приехав в Пензу, епископ Иоанн начал свою службу прежде всего с решения кадровых вопросов: стал решительно избавляться от неучей и недоучек, отсылая их кого в губернское правление для приписки их к податным сословиям, а кого отдавая и в военную службу. На поступавшие к нему прошения об определении на священно- и церковнослужительские места Преосвященный Иоанн клал резолюции, свидетельствующие о его высоких требованиях к образовательному уровню духовенства. Вот пример одного из ответов, который он сделал на просьбу ученика Бессонова об определении его в Саранск хотя бы на причетническое место: “Куда необделанного Безсонова в город! Его куда-нибудь в лес или дубраву. В Саранске по нем будут заключать, что в деревнях дьячки уже и совсем деревянные”³⁹. Это не означало, однако, что епископ неукоснительно придерживался вышедшего за год до его назначения в Пензу указа Св. Синода о запрещении рукополагать во иереев недоучившихся в семинарии. Куда ему было деваться при нехватке в епархии соответствующих этим требованиям кандидатур. Но прежде чем кого-либо из них рукополагать в священника, он требовал от него сдачи экзамена в конси-

стории, причем особое внимание велел обращать на глубокое осмысление предмета, а не просто на его заучивание. Вот тут-то и заканчивалось большинство притязаний на получение должностей. Более того, часто выяснялось, что испытуемый не только не удовлетворял требованиям священника, но даже и тем должностям, в которых он находился на данный момент. Тогда со стороны Преосвященного следовала череда наказаний, заставляющих, в конце концов, клириков заняться собственным образованием. Она выстраивалась приблизительно таким образом: штраф “за невежество”, затем через некоторое время, данное на подготовку, обычно через полгода, – повторный экзамен, при новой неудаче – помещение в монастырь, опять же для подготовки к новым испытаниям, и в случае полной непригодности – исключение из духовного звания, со всеми вытекающими из этого последствиями. Конечно, такие меры сильно подрывали благосостояние духовенства, так как поездки на экзамены требовали дополнительных расходов, а домашнее хозяйство, лишенное своего владельца, приходило в расстройство. Но это лишний раз побуждало духовенство заняться своим образованием. Многие, правда, оказались просто неспособными постичь все, необходимые для исправного пастырского служения, науки, и тогда в отношении их следовала приблизительно такая резолюция: “Пусть в других сословиях ищет способов для своего прокормления. Грех держать при церкви негодных и ленивых причетников!”⁴⁰ Именно последнее обстоятельство и являлось решающим при от решении нерадивых от должности. Здесь Владыка руководствовался прежде всего интересами Церкви и в ответ на все просьбы со ссылками на необходимость прокормления своего семейства и заботы о престарелых родителях следовал резонный вопрос и решительный, и даже, может быть, на первый взгляд, жестокий, но единственно верный ответ: “Почему же он не заботился прежде? Почему он не понимал и теперь не хочет понимать, что я не намерен ни одного ленивца кормить доходами церковными; что тунеядство, будучи само в себе гнусным и нигде не терпимым пороком, во дьячке и пономаре превращается в святотатство, о чем даже написано и в пространном катехизисе; что оказывать снисхождение или сострадание ленивому, небрежному, глупому, грубому, бесчувственному дьячку грешно и незаконно; что таковых всех... велено исключать из духовного, как возвышенного, нравственно-благородного и священного, звания?”⁴¹ Именно проявление в таких случаях мягкосердечия и снисходительности чревато было появлением в духовной среде малограмотных священнослужителей, порочащих Церковь и вызывающих по отношению к ней справедливые нарекания со стороны образованных слоев общества.

Архиепископ Иоанн (Доброзраков)

Чтобы сохранить за собой приход, престарелому духовенству, не способному к дальнейшему обучению, оставалось одно – отказаться от своего места в пользу обучавшихся в семинарии сыновей, которые, таким образом, получали дополнительный стимул к учебе, поскольку лишь показавшие свою прилежность могли рассчитывать на согласие Преосвященного. Ну а если не было сыновей, а лишь одни дочери? И здесь Владыка шел навстречу и оставлял место отца за ней, а точнее за ее будущим мужем, для подыскания которого давался определенный срок. Если таковой находился, его, как и любого претендента на священноцерковнослужительскую должность, также подвергали испытаниям. Так что будущая судьба дочери во всех отношениях зависела от расторопности матери.

Результатом деятельности архипастыря по улучшению качественного состава духовенства явилось, однако, значительное увеличение заштатных священно- и церковнослужителей. В 1831 году насчитывалось 72 заштатных священника, 50 диаконов и 164 причетника, причем многие из них были еще достаточно молодыми. Для того, чтобы избавиться от таких “тунеядцев”, как называл их епископ Иоанн, Высочайшим указом от 1 мая 1831 года Святейшему Синоду было дано право отдавать их в военную службу, а 10 мая 1831 года были утверждены и соответствующие правила отбора для этой цели, по которым рекрутами должны были стать “люди, отличающиеся дурным поведением, проживающие в монастырях не на штатных монастырских вакансиях, отрешенные от церковнослужительских мест, занимающие должности сторожей (при консистории, духовных правлениях, церквях, семинарии и училищах), состоящие под судом по важным преступлениям, исключенные из духовно-учебных заведений”⁴².

Слух о столь страшном указе, обрастая всевозможными домыслами, распространился по всей губернии и поверг нерадивое духовенство епархии в панику. Были составлены списки всех “тунеядцев”, которые должны были держать экзамен на свою пригодность для духовной службы. Большинство из них по результатам испытаний согласно резолюции Преосвященного были отданы в солдаты “за невежество в предметах”. Тем не менее и здесь Владыка старался подходить по-справедливости. Так, например, в отношении семинарского сторожа он писал: “Сторожевский Алексей есть сын сторожа; определен в сию должность по собственному прошению; проходит ее исправно, с благонадежностью и при хорошем поведении. Было бы жестоко требовать от него какой-либо еще большей исправности, превышающей его породу. Следовательно, отпустить назад”⁴³. Отпускал Преосвященный многих “искать счастья” и в другие

епархии, где был недостаток в духовенстве. Поэтому ошибочным было бы думать, что епископ Иоанн, в своем стремлении очистить епархию от представителей духовенства, позорящих Церковь собственным невежеством, являлся сторонником только крутых мер. Подобное отношение до выхода указа “об учинении разбора духовенству” он проявлял лишь после того, как были исчерпаны все меры: “снисхождения, опять внушения, затем наказания и вразумления”. И лишь после этого следовало исключение нерадивых из духовного сословия. Что же касается образованного духовенства, то к нему Преосвященный всегда был очень внимателен и глядел на него как на свою опору, считая, что нет ничего выше пастырского призвания, выше того, что человек встал на стезю апостольского служения, неся Свет и Истину своему народу. Но прежде всего надо, чтобы служитель Церкви сам был достоин этой великой миссии, поэтому особенно теплые чувства испытывал Владыка к тем ученикам семинарии, которые отличались хорошими успехами и прилежным поведением.

Принятые Преосвященным меры по повышению образования подведомственного ему духовенства вскоре стали приносить плоды, проявившиеся в стремлении молодежи к учебе, и если раньше многие родители не хотели отпускать от себя любимого дитятку для поступления его в духовное учебное заведение, то теперь они делали все возможное, лишь бы их дети получили соответствующее образование, от которого напрямую зависело все их дальнейшее благополучие. Остается лишь сожалеть, что епископ Иоанн недолго управлял Пензенской епархией. 19 января 1835 года он был переведен в Нижегородскую епархию, в 1847 году стал архиепископом Донским и Новочеркасским, а через 20 лет, в возрасте 77 лет, по болезни попросился на покой и был определен в Кременецкий Вознесенский монастырь Донской епархии, где и скончался 23 июня 1872 года.⁴⁴

